

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2385-2395. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2385
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov)

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the fate of Kazakh sultan Kaipgali Ishimov, who descended from the older branch of sultans of the Abulkhayr house and faithfully served the Khan of Bukeyev Horde Dzhangir. Sultan's activity fell on the imperial period, at one of the turning points of the early XIX century, when the khan's sacral power and the status of Genghisids significantly changed. K. Ishimov was at the head of the Kazakhs' movement against the policy of Khan and the Russian Empire. It was he who led the exodus of Kazakh clans to the Trans-Ural Horde. During the period under review, the Kazakh khans became appointees of the Russian administration, and those who did not agree with the policy of the empire sought refuge in Khiva, hoping to maintain their influence in the Steppe. The article examines the role and significance of the Khiva Khanate in the fate of the Kazakh Genghisids.

Keywords: Russian empire, Bukeyev Horde, Genghisids, Kaipgali Ishimov, Khiva, the Khan's authority, Dzhangir khan, legitimization.

1. Введение

Возникшая на просторах Великой степи Монгольская империя оставила большой след не только в этнокультурных процессах, но и в политических традициях ее населения. Утвержденная в эпоху Чингиз хана традиция наследования верховной власти «алтын уругом» сохранилась и на ее останках. В Казахской степи традиция наследования власти домом Чингиз хана, в частности потомками его сына Джучи, сохранилась вплоть до 1822 г. на территории Среднего, 1824 г. – Младшего жуза, 1845 г. – в Букеевской Орде.

Начиная с XV века, правителями Степи были потомки Орда Эджена – старшего сына Джучи. В частности, линия первых казахских правителей, по Т.И. Султанову, выстраивалась следующим образом: Чингиз хан – Джучи – Орда Эджен – Сартактай – Куйинчи – Баян – Сасы-Бука – Эрзен – Чимтай – Урус хан – Куйручук – Барак – Жанибек (Султанов, 2001: 144, 146). Место в семейной династийной иерархии играло немаловажную роль в престолонаследии. Так, например, в начале XVIII века традиция наследования ханской власти потомками султана Жадика, четвертого сына основателя Казахского ханства Жанибека (1470–1473/1474), была нарушена представителем линии Усеке (Оснек, Усяк) – восьмого сына Жанибека, сыном султана Кажы – Абулхаиром.

Абулхаир Мухаммед Кажы Бахадур (1693–1748) был сторонником сильного казахского государства, которое он пытался создать, опираясь на помощь России. Именно он инициировал вхождение Младшего жуза в 1731 году в состав Российской империи. Но после его смерти разгорелась борьба за власть между его потомками.

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

2. Материалы и методы

Источниковую базу работы составили материалы фондов Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Оренбургской области, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Республики Казахстан, а также опубликованные архивные источники, собранные в сборники документов. Основными методами работы явились принципы историзма и междисциплинарности. Принцип историзма в данном случае помогает изучить события, явления в связи с конкретно-исторической обстановкой, исторические факты исследуются с точки зрения современников той эпохи.

3. Обсуждение

Изучаемая нами проблема прежде не была объектом специального исследования. Затрагивались лишь некоторые ее аспекты, в частности в работах Э.К. Мұқтар, Е.Б. Сыдыкова, вскользь поднимались вопросы участия казахов в движении Каипгали (Мұқтар, 2015). И.В. Ерофеева, изучая ханские династии в Казахской степи, исследовала дом Абулхаира, установила время правления потомков указанного хана в различных регионах, в том числе и в Хивинском ханстве (Ерофеева, 1997; Ерофеева, 2007). Р.Ю. Почекаев, исследовав вопросы легитимации власти, самозванства в государствах Евразии в тюрко-монгольский период, проанализировав большое количество исторических фактов, примеров, выделил генеалогический, религиозный, региональные факторы легитимации власти в государствах Евразии в XIII – начале XX вв. Он выделяет иностранный фактор в борьбе за ханский престол (Почекаев, 2017). Но поднимаемые в нашей статье вопросы не были исследованы в его работе. Даже в фундаментальном труде Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН РК наша проблема не рассматривается (История..., 2000).

Результаты

По указу императора Павла I в 1801 году в междуречье Волги и Урала возникла Внутренняя, или Букеевская, Орда. Это было искусственно созданное государственное объединение, где правили потомки хана Абулхаира. Во главе с султаном Букеем Нуралиевым из приуральской степи на правобережную сторону Урала переселилась группа казахских семей в количестве 183 кибиток (или 740 человек) из племен Младшего жуза. Перекочевали во Внутреннюю Орду также сыновья Есим хана: Сары, Нияталы, Айдыналы, которые находились после убийства отца на попечении родного дяди, султана Букея.

В числе перешедших с небольшим числом казахов через реку Урал на внутреннюю сторону в 1812 году был Каипгали – сын хана Есима (в русских источниках – Ишима). Как указывал сам султан, он «по поручению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена управлял всеми киргизами (далее в статье подразумевать казахов – Авт.) Внутренней Орды» и имел право «обо всех обстоятельствах доносить Высокостепенному хану Джангеру Букееву» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43).

Хан Джангир воспитывался в доме астраханского губернатора, получил российское образование. Его имя стало синонимом преобразователя Орды. Джангир был инициатором лесоразведения в степи, улучшения пород скота, проведения сезонных ярмарок в Орде, открытия школы, училища и т.д. (Избасарова, 2019).

Каипгали был доверенным лицом Джангир хана. В период отправки хана в Оренбург по ордынским делам именно ему передавались дела по управлению Ордой (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 929. Л. 9). Каипгали имел награды за оказанные империи услуги и верную службу. В июне 1824 года его имя упоминалось в числе султанов Букеевской Орды, приглашенных оренбургским военным губернатором на торжественный обед (ГААО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2800. Л. 275). В 1826 году он в составе свиты хана Джангира Букейханова присутствовал на коронации Николая I в Москве (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 118. Л. 4, 150б.).

Но вскоре дороги хана Джангира и султана Каипгали разошлись. В 1827–1829 гг. Каипгали Ишимов возглавил группу султанов, ущемленных в социально-экономической сфере. По мнению И.В. Ерофеевой, «это был честолюбивый и энергичный султан, который сам мечтал о ханском титуле и, как старший сын покойного хана Младшего жуза Есима (после смерти в 1813 году двух старших братьев Кары и Чужика), неохотно мирился с властью Джангир хана» (Ерофеева, 2001: 141). Зимой 1826 года в результате джута (массового падежа скота) потери кочевников составили 13,5 млн руб. Обострился в это время и земельный вопрос. Все эти проблемы, а также борьба за власть и влияние на соплеменников между ханом Внутренней Орды Джангиром Букейхановым и султаном Каипгали, которого также поддержал султан-правитель Западной части Чингали Урманов, привела к попытке самовольного перехода казахов за Урал. В феврале 1827 года Каипгали Ишимов с казахами рода тана в количестве 14 кибиток тайно перешел на зауральскую сторону к Чингали Урманову близ Сахарной крепости (История Букеевского ханства, 2002: 439). Чингали стал внушать через Каипгали букеевским казахам, что «правительство хочет их перевести на правый берег Волги, обратить в подушный оклад и заставить отправлять службу наравне с казаками» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 11).

11–12 марта 1827 года казахи рода байбакты в количестве 45 кибиток пытались перейти на зауральскую сторону, но были остановлены отрядом начальника Мергеновского форпоста Солодниковова. В тот же период начальники Каршинского форпоста сотник Марков и Лебяжинского форпоста Ураев задержали казахов родов тана, байбакты, кердери, тама, которые также пытались перейти Урал ([История Букеевского ханства, 2002: 439-440](#)). Оренбургская администрация 15 и 16 марта получила 4 рапорта войсковой канцелярии о попытке казахов Букеевской Орды самовольно перейти на степную сторону. В ответ российская администрация принимает меры по усилению линий. Брат султана-правителя Кусяп Урманов был обвинен в организации волнений и помощи в переходе букеевских казахов за Урал.

Возникновение беспорядков, возмущение казахов Букеевской Орды вызвали интерес у оренбургского начальства, так как данная Орда под управлением хана Джангира являлась почти образцовой, пребывала в спокойствии, очень редко казахи данной части подвергались суду. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен требует от начальника Оренбургской пограничной комиссии (далее – ОПК) выявить причины и принять меры по восстановлению спокойствия. Г.Ф. Генсу выдается открытый лист, деньги на прогоны, в его распоряжение поступил советник Уральской войсковой канцелярии подполковник Мизинов, а также при необходимости разрешалось использовать отряды уральских казаков ([История Букеевского ханства, 2002: 446-447](#)).

Председатель ОПК Г.Ф. Генс, выехав из Оренбурга в Букеевскую Орду через Уральск, по дороге получил информацию о том, что казахи, которые собрались перейти за Урал, кочуют по речкам Чижамам. Он отправился по речке Деркулу через Чижи к деревне Александр Гай. Прибыв на место, Г.Ф. Генс встретился с представителями рода байбакты, которые неохотно шли на разговор, только один высказал, что они возмущены увеличением размера зякета ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 578](#)). Далее председатель ОПК отправился в кочевья казахов, живших между Узенями и Уралом ([История Букеевского ханства, 2002: 448](#)).

Для предупреждения в будущем откочевки казахов Г.Ф. Генс предложил пропускать их к кочеванию вблизи дистанций, крепостей, форпостов, кордонов, между Узенями, Кушумом, Чижами и Уралом по срочным билетам хана Джангира. В билетах должны были быть указаны имена старшин, число кибиток, продолжительность времени кочевания в этих местах ([История Букеевского ханства, 2002: 450](#)). После встречи с председателем ОПК «верными» казахами на ур. Уялы, в 60 верстах от Глининского форпоста, были выданы 8 человек как главные организаторы незаконного перехода за Урал, которые позже были сосланы ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 12](#)).

Хан Джангир просил арестовать Майбаша Тулаганова, Бузлака Асманбетова, Жуматая Кемендыкова как организаторов беспокойств и отправить их на Нерчинские заводы или в Астрахань, в назидание другим казахам. Но все эти меры, столкновения за земли, притеснения уральских казаков, поборы с казахов при переходе с кочевков на левую сторону Узеней и в Камыш-Самару, призыв Чингали Урманова к откочевке в Зауральскую Орду усилили волнения среди казахов Букеевской Орды.

Хан Джангир в письме председателю ОПК Г.Ф. Генсу среди причин волнений в Букеевской Орде указывал, что осенью 1828 года подкочевавшим к единственному зимнему убежищу, к Камыш-Самарским озерам, с семьями и со скотом казахам было не только отказано в переходе, но их отгоняли силой от камышей. Наступление ранних морозов (с 17 ноября), опыт прошлой зимы вынудил их переселиться сюда ранее срока для укрытия от предстоящей беды.

«Почему киргизцы, находясь в окрестностях Камыш-Самарских, на местах совершенно обнаженных и бесплодных, лишены всяких средств к пропитанию скота и предохранению семейств от чрезвычайной стужи, вынуждены были предложить есаулу Логинову вещественные знаки своей признательности и по обоюдному соглашению решено было от каждой из кибиток, которая допустится к камышам, дать г. есаулу Логинову по одному барану». Прибытие хана прервало планы местного начальства, избавило разоренных бедствиями зимы казахов от обязанности заплатить на первый случай до 2 тыс. баранов. Мнимая потрава сена, следствия по небывалым происшествиям, большое, по мнению начальника, сближение стад казахов со стадами казаков, водопой не у места... становились причинами отъема скота у казахов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 579-580](#)).

Чиновник МИД по особым поручениям при председателе ОПК надворный советник А.Т. Ларионов сам был свидетелем недовольства казахов, вынужденных в ноябре остаться со скотом в степи и терпеть холод. Он указывал в рапорте, что когда прибыл 24 ноября 1828 года в Камыш-Самару, то команда из 8 казаков сдерживала номадов и объявила им, что по приказу есаула Логинова они не допускают казахов к зимней кочевке. Есаул в свою очередь объявил, что не имеет предписания, чтобы казахи заняли кочевья в Камыш-Самаре, ссылаясь на постановления Пограничной комиссии, которые вообще не относились к этой части Орды.

На еще одну причину указывал старшина Серкеш Якшибаев, который сообщал, что после произведенного размежевания земель уральское начальство еще более начало притеснять казахов. А.Т. Ларионов писал, что казахи Букеевской Орды «если не будут крайне утеснены в кочевании, особенно в зимнее время, но более всего, когда не будет подан к тому со стороны линии повод, когда не станет, кто их склонять к сему поступку..., когда из линейных жителей никто не будет

поддерживать их в легкомыслии, то не будет беспорядка или самовольного ухода за Урал» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 19-21об.).

11 февраля 1828 года возглавивший недовольство казахов Каипгали был арестован в своем ауле начальником Узеньской линии есаулом Логиновым и отправлен в Глиняный форпост, затем в Уральск, а оттуда уже в Оренбург (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 287. Л. 38). Он как зачинщик беспорядков был осужден и содержался в оренбургском замке 9 месяцев (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43).

После султан, обещавший забыть вражду, был выдан хану Джангиру на поручительство. Хан, поверив раскаянию и обещаниям султана, увидев расстроенное его состояние, обратив внимание на тяжелую болезнь его жены, отпустил Каипгали в свой аул при озерах Камыш-Самарских (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 243-243об.). Наблюдение за султаном было поручено дяде хана Чуке Нуралиеву. Каипгали обещал после выздоровления жены прикочевать в Рын-пески.

Но Каипгали Ишимов продолжил призывать не повиноваться хану, не платить налоги. В 1828 году в Букеевской Орде желающие откочевать за Урал набирали силу. Самовольство казаков на Узеньской линии, которые не только не позволяли казахам кочевать между Малым и Большим Узенями, но даже поить скот в Малом Узене, двусмысленное объяснение атаманом Уральского войска Д.М. Бородиным работы землемеров по Большому Узеню и Камыш-Самаре, откладывание вопроса о перекочевке казахов на зимние кочевья до наступления холодов вызвали недовольство среди номадов. Так, например, султан Утебали Шигаев 31 октября 1828 года доносил хану, что «киргизов действительно не допускают занимать прежние их зимовки, требуя плату с каждой штуки разного скота по 60 коп.» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 18).

Зимой 1829 года на Узеньской линии распространились слухи, что весной казахи вновь попытаются уйти за Урал, а если же казаки попытаются их остановить, то будут «дракою» переходить на ту сторону. Старшина рода байбакты Серкеш Якшибаев о причинах перехода сообщал, что «киргизы не довольны тем, что им назначены для кочевания определенные зимовые места, будто не позволено им кочевать летом по Кушуму и до р. Урала, ... султаны отнимают у них хороших лошадей и скот» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 769).

В феврале часть казахов передвинулась с зимних мест из Камыш-Самары вниз, ближе к морю, а другая часть – за левый берег Камыш-Самары, ближе к Уралу (История Букеевского ханства, 2002: 459). Каипгали Ишимов, отправляя своих джигитов в аулы, призвал букеевских казахов к откочевке. Ставка его была перемещена на урочище Сарыкул, находящееся верстах в 25 от Глинянского форпоста, где султан кочевал весной до наступления летней жары (История Букеевского ханства, 2002: 467, 474). Он распространяет слухи, что войсковой атаман Бородин и казаки не будут препятствовать им, а напротив, всеми мерами облегчат переход, «хотя и будут выставлены противу них вооруженные команды, но вреда им не сделают, ибо станут стрелять без пуль, холостыми зарядами и то издали, а копыя и другое оружие не употребятся», – говорил он. Видимо, была достигнута договоренность между уральскими казаками и кочевниками. Так как хан Джангир в письме оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву сообщал, что «дважды были беспорядки в Орде, и оба раза открыто, что они (имеются в виду казаки – Авт.) были главными виновниками их, и в первый раз за сие по законному суду более 20 уральских офицеров разжалованы в казаки. После того они же возмутили и поддерживали султана Кайбалу» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 369. Л. 10б.-2).

Джангир отправляет своего брата Адила Букейханова, султана Уразали Байчурина в аул Каипгали с требованием немедленного прибытия в ханскую ставку для объяснения причины беспорядка, но в ответ Каипгали задерживает брата хана (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 243 об.-244). Джангир просит ОПК о немедленном аресте непокорного султана.

Каипгали поддерживают представители ногайского рода Аббас Кушаев, Ногайты Туркманбаев. По Букеевской Орде проходит слух, что будто бы казахов будут забирать в солдаты – «и на первый случай назначило взять 400 человек» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 244).

20 февраля начальник Узеньских форпостов докладывал Д.М. Бородину, что казахи намерены перейти за Урал и они теперь отовсюду кочуют для соединения в одном месте, против Калмыковской или Горской крепостей. Во втором рапорте от 21 февраля он сообщал, что Орда почти вся в волнении и движении, казахи беспрепятственно кочуют ниже Камыш-Самары для общего соединения, готовят всякое оружие (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 58).

Каипгали отправляет сына Бекжана и гонцов в аулы казахов с призывом, чтобы все до последнего человека откочевали в Зауральскую Орду (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 161, 161 об., 687). Его сторонники нападают на аулы, не согласившиеся на откочевку. В частности, султан Хансултан Шигаев 21 февраля доносил хану Джангиру о нападении на аул старшины рода тана Кенжебая Байбаракова 30 вооруженных джигитов, во главе которых были султан Бекжан Каипгалин, Ахмет Бекбулатов, Науша Каржауов и др. (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 147). Каипгали, находясь в 85 верстах от Урала, собрав большое количество кочевников, 24 или 25 февраля решил прорваться через линию ниже Горской крепости при урочище Камка (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 403).

Букеевцы во главе с султанами Каипгали Ишимовым, Кусяпом Аблаевым, Серкешом Якшибаевым, Жаналы Сангрыковым, Рысалы Джангировым (История Букеевского ханства, 2002: 476) в количестве 1500 вооруженных джигитов направились для перехода через Урал в Азиатскую

степь, но были встречены уральскими казаками атамана Д.М. Бородина (*История Букеевского ханства*, 2002: 483, 490). По другим источникам, количество оставивших свои кочевья и последовавших к Уралу для перехода составляло 674 кибитки (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 392-393*). 5 марта 1829 года Каипгали и Рысалы были схвачены (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 186*) и отправлены сначала в Уральск, а затем в Оренбург (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 141*). Казахи были возвращены на свои места кочевок. Но кочующие по р. Илек родственники задержанных казахов в Букеевской Орде, представители рода адай во главе с батыром Суинкаром, рода ак кете во главе с Дербисалы батыром делали попытки возврата на Зауральскую Орду имущества, скота, а также стремились захватить жителей линии с целью обмена (*История Букеевского ханства*, 2002: 509).

В марте 1829 года при помощи султана Ахмета Бикбулатова (ушел в Зауральскую степь годом раньше), Кусяпа Аблаева (зять Каипгали) и двух казахов, семья султана Каипгали – жена Джама Бабаджанова (сестра Караул-ходжи Бабаджанова), ее брат Сапар Дариходжиев, сыновья Каипгали – Мухаммеджан, Даулетжан, Кожамжар, Мусагали, дочери – Рухия (жена султана Сарсена Тлевова), Фатима были переправлены с имуществом и со скотом за Урал при форпосте Круглом. До этого, услышав об аресте отца, Бекжан Каипгалиев также бежал за Урал через указанный форпост (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1685. Л. 569-569об.*). Мать султана Каипгали – Каракушык – была оставлена в ауле. Ей обещали вернуться и помочь в переправе.

О том, каково было состояние семьи после ареста, К. Ишимов описал в своем письме от 2 июня 1830 года генерал-майору Чуйкевичу: «... Оставшуюся в доме моего покойного отца... мать мою, семейство и детей, все движимое и недвижимое имение мое и оставшихся после покойного отца моего, высокостепенного хана Ишгалия, слуг, Его высокостепенность хан Джангер, будучи в согласии с полковником Генсом, с конною командою казаков, собрав всех киргизцов и сделав начальниками султанов, военною рукою разбили, ограбили вышесказанное имение и взяли в плен крестьян моих, потом Ханьшу, т.е. мать мою, не давая ей ничего в руки, оставили в бедном положении. Состоявших еще при жизни покойного отца моего, Высокостепенного хана Ишгалия, в управлении моем киргизцев в числе 1614 кибиток, таким же образом разграбили и отняли у них движимое и недвижимое имение, а некоторых приказали убить. При сем случае захватили 40 или 50 человек, устраивали их, взяли с некоторых деньги и отпустили в Орду, а некоторые содержатся в Оренбургском тюремном замке. Обо всех сих претерпленных мною обидах я, хотя и подавал прошения Его Высокопревосходительству господину Эссену, с приказания его, но он никакого распоряжения по оным не сделал; каковы прошения, как я полагаю, должны находиться в управлении Вашего Превосходительства, в журналах Канцелярии, почему льщу себя надеждою, что Вы по справедливости Вашей, получив отсюда прошения сии, не оставите милостивейше рассмотреть оныя. Не стерпя вышеупомянутые разные обиды, быв задержан 11 месяцев под стражею, и не видя справедливости в производимом обо мне деле, наконец, по нестерпимом презрительным ругательством, потеряв совершенно надежду на справедливость судей моих, решился уехать» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 43 об.-44об.*).

10 марта 1830 г. Каипгали Ишимов и Рысалы Джангиров при помощи посланного султаном-правителем Чингали Урмановым племянника его Токсусана Мучагалиева, старшины Науша Каржауова, простого шаруа Рахмана Джумагельдиева бежали из тюрьмы за Урал (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 44 об., 62, 141; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5042. Л. 120б.*).

Позже Чингали Урманов был уличен в содействии Каипгали не только в побеге из Оренбурга, но и его бегстве от преследования. Султан-правитель Западной части Орды отправил к Каипгали в услужение своих туленгутов Чумагилду, Ракпана и Бураха с семействами и скотом и еще со старшиною рода тана Баркином Бутантаевым 2000 руб. Последний доставил не все переданные деньги, за что Каипгали ограбил Баркина на речке Улиньте (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62*).

Также Чингали Урманов был замечен в предупреждении Каипгали об отправке против него русского отряда и в их умышленном заблуждении. В частности, когда отряд подошел к реке Сагиз, где находился Каипгали, султан-правитель взял направление в противную сторону и тем дал время Каипгали уйти за Эмбу. Чингали, чтобы прикрыть свой замысел и поведение, на пути забирал невинных казахов, называя их виновниками. Он позволял своим подопечным грабить казахские аулы и тем самым вызвал негодование и ропот в Орде. Между султаном-правителем Чингали и Каипгали был договор о поддержке друг друга, «ежели первой впадает в нещастие или в немилость у нашего правительства, то бы Каип-Галий его не оставил и помогал, а на братьев своих он Чингалий надежды в том не имеет, поводом к сему была объяснение Чингалия, будто бы его Пограничная Комиссия уже хотела переменить» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62*), но оставлен он только по распоряжению графа П.П. Сухтелена.

С весны 1830 года султан Каипгали кочевал по речкам Калдыгайты и Якшибею, примерно в 30 верстах от Антоновского форпоста. В последних числах июня ушел за р. Уил, постепенно кочуя к Сагызу, а в 20-х числах сентября откочевал за Эмбу, расположившись на малой речке Бокембай (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60*). В этот период большинство родов Зауральской Орды, а также старшины родов, бежавших из Букеевской Орды, избрали его ханом.

Каипгали имел связи в Орде с руководителем движения казахов родов табын и тама за возврат земель по Илеку тарханом Жоламаном Тленшеулы и батыром воинственного рода адай Суюнкаррой. Летом 1830 года он кочевал вместе с сыном Суюнкарры – Бурлуталы, так как между ними был договор о совместном выступлении на линию. Последний 14 августа 1830 года участвовал в нападении на казаков близ Баксайской крепости (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 62). В конце 1831 года после нападения хивинцев к Каипгали присоединилось большинство аулов рода адай.

В июне 1830 года в отряде Каипгали было примерно 500 кибиток из родов берш, тана, адай и байбакты (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60). Полковник В. Покатилов и есаул Логинов в октябре 1830 года доносили, что «Каипгали откочевал за Эмбу с зауральскими и бежавшими из Букеевской Орды киргизами, коих около 100 кибиток с семействами и скотом, число же всадников полагают до 500. Он старается, чтобы окружающие его были вооружены... Султан-правитель Чингали Урманов имеет с ним тесные связи, а потому сомнительно, чтобы требование начальства насчет поимки его возымело желаемый успех» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 55об.).

Главной целью Каипгали было перевести за Урал оставшихся на внутренней стороне своих приверженцев с семьями и со скотом, также нанести вред хану Джангиру и султану Чуке Нуралиеву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 60).

В июне Каипгали посылает 120 джигитов в Букеевскую Орду. Прорывы казахов близ Сахарной и Тополинской крепостях были действием его отряда под предводительством старшины рода байбакты Науша Каржауова, славившегося в Орде смелостью и предприимчивостью (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 55-56).

Рост влияния в Степи султана Каипгали беспокоил оренбургских начальников. Рассматривался вариант отравления его «крепким» чаем, но военный губернатор П.П. Сухтелен выступил против данной затеи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 2-3). Он предлагал продолжать с Каипгали отношения и не упускать удобного случая захватить его; разведать о числе аулов, к нему присоединившихся; узнать, где он намерен зимовать и справедливы ли показания о предпринимаемом будто им вторжении по первому льду в земли уральского войска; представить соображения насчет безопасности линии и на случай экспедиции против сего султана; секретно разведать об отношениях к нему правящего Западною частью Орды султана Чингали Урманова (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 46).

Коллежский ассессор Карелин 29 июня 1834 года доносил в Оренбург, что адаевцы просят назначить Каипгали султаном-правителем, так как терпят ограбления от туркмен, но его кандидатура «как преступника, требующего к суду» не могла быть рассмотрена в качестве правителя адаевцев (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 6). В октябре 1835 году командир средней дистанции Нижне-Уральской линии доносил В.А. Перовскому, что султан Каипгали Ишимов прикочевал к линии против Калмыковской крепости и расположился аулом в верстах восьми, опасаясь преследования в степи представителей рода кете. Он считал удобным временем для захвата султана зимний период, «потому предписал есаулу Сычугову предоставить Каипгалию свободно кочевать при линии, лишь имея осторожность, дабы он под видом искательства защиты не стал производить набегов и служить убежищем вора́м, но особо секретно поручено господину Сычугову, если представится малейший случай, то задержать султана Каипгалию на линии под строжайшим присмотром и не отпускать без разрешения» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 12-12об.).

Таким образом, в первой половине XIX века Российская империя укрепила свои позиции в Степи. Прежняя элита потеряла преимущества и использовалась новой властью лишь в зависимости от ее лояльности и вовлеченности в управленческие структуры. Создававшаяся в Степи система управления порывала со старыми чингизидскими традициями. Изъятие земель, увеличение объема налогов, распространение слухов, одного из видов протестов, по словам П. Верга, борьба за власть между султанами в Букеевской Орде привели к выступлению казахов под руководством Каипгали Ишимова.

Хива – «покровитель» выходцев из Степи.

Роль Хивинского ханства в легитимации ханской власти в Степи в изучаемый период была велика. Управление Казахской степью постепенно встраивалось в имперскую модель управления окраиной. Чингизидское происхождение не давало монополии на власть.

Султаны, которые имели реальную силу и власть, но по различным причинам ставшие неудобными для российской администрации, в изменившихся условиях легитимацию своей власти искали в центрально-азиатских ханствах, в частности в Хиве, где еще сохранялись устои и право «золотого рода». Обращение взора казахских чингизидов на Хиву было не случайным. Еще в XVIII веке казахские султаны сидели на троне этого ханства.

В 1727–1728 гг. в Хиве разгорелись «кровавые игры в ханов». После смерти хана Ширгазы (1715–1728), хивинцы выбрали в ханы Мамайя Токтамысулы (родной племянник хана Абулхаира), который через неделю был убит. Затем на хивинский престол был приглашен султан Батыр Каипулы. О продолжительности правления Батыра нет точных сведений: по одним данным, это было 6 недель, по другим – 6 месяцев. После бегства Батыра из Хивы на ханский трон во второй половине 1728 года был возведен Ильбарс (двоюродный брат хана Абулхаира). В 1739 г. Ильбарс погиб в битве с

иранцами. Тогда жители Хивы обратили взор на казахского хана Абулхаира, находившегося под патронатом Российской империи.

Усиление влияния дома Абулхаира в Хиве казахстанский ученый И. Ерофеева объясняет следующим образом: «Политические интересы этой части узбекской элиты (узбекский эмир Ишмухаммед-бий из племени мангыт, ум. 1739 г.) в известной мере совпали с собственными честолюбивыми намерениями Абулхаира, так как, по устоявшейся степной традиции, приобретение в Хиве каким-либо казахским чингизидом ханского титула значительно повышало социальный престиж всей его фамилии не только в ханствах Средней Азии, но и среди кочевого населения Казахстана» (Ерофеева, 2007: 187).

Несколько дней в начале ноября 1740 года Абулхаир был ханом Хивы, но был вынужден покинуть страну в связи с наступлением персидского шаха Надира в центрально-азиатские ханства. В дальнейшем среди его потомков внук Болекей (сын султана Ералы) в 1770 г., Агым (сын султана Адила) в сер. 1770–1771 гг. были хивинскими ханами. Среди потомков вышеупомянутого Батыра двое из его сыновей – Каип (1746–1756 гг.), Карабай (конец 1756 – начало 1757 г.) и внуки Абулгазы, Шахгазы, Жангир (сыновья Каипа) также правили Хивой (Ерофеева, 1997: 126).

В январе 1836 года к правнуку хана Абулхаира, Каипгали Ишимову, кочевавшему на урочище Каракуль, прибыли два хивинца, четыре туркмена и шесть казахов, в числе которых был старшина Юсуп Сырымов. Это были послы хивинского хана Аллакули, которые привезли подарки султану и приглашали в Хиву для получения ханского фирмана на титул хана части Казахской степи. Послы сообщили, чтобы султан с приверженцами своими перекочевал к Хивинской стороне и что «сам хан имеет намерение весною прибыть с войском, разорить и увести тех из ордынцев, кои не последуют сему предложению» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 12 об., 170б.).

В феврале Каипгали прибывает на встречу с Аллакули ханом. Он, получив титул правителя западных казахов, откочевывает от границ Российской империи в сторону Хивы и собирает зякет от своих подданных в пользу хивинского хана. Каипгали султана поддерживают казахи Усть-Урта и других частей Степи. Его именуют ханом казахов и туркмен (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 134. Л. 134об.). Поддерживает его и Юсуф Сырымов, имеющий влияние у кочевников.

По архивным данным, Каипгали, вернувшись из Хивы, прибыл к представителям рода кете и «приглашал их по приказанию хивинского хана вступить под его управление и платить каждогодно зякет» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 670б.). Ему удалось принудить аулы откочевать далее от российских пределов на р. Уил и собрать зякет (КРО–2, 1964: 276–277). Известно, что управляющий родом кете султан Еркингали Каратаев был в дружеских отношениях с Каипгали Ишимовым, и, как сообщают источники, «сын сего последнего живет всегда у него». Султаны Кусяпгали Урманов, Тилек Чуткарин также поддерживали Каипгали (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 68). Ю. Сырымов был отправлен для сбора зякета с родов шекты и попытки склонить их перекочевать к границам Хивы. Налог ему удалось собрать, но покинуть свои кочевья казахи отказались (КРО –2, 1964: 277).

Хивинский хан по возвращении Каипгали в Хиву имел намерение поручить ему управление над родами шекты, адай, шомешки-табын, кете, но бий рода шекты отделения тляукабак Отаралы Сарычунгаев, находившийся в это время у хана, отсоветовал ему, говоря, что «султан Каип-Гали Ишимов как беглец не достоин занимать сию должность, тем более что сам он, кочуя с киргизами, занимающимися обычно хищничеством, потворствует им в том, а потому ни повиновения, ни почтения к таковому правителю киргизы оказывать не будут» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 680б.). Данное мнение казахского бия заставило задуматься правителя Хивы, однако султан Каипгали был назначен ханом западных казахов.

Усиление влияния Хивы на казахов, подданных империи, беспокоило российскую администрацию. Так, например, 20 июня 1836 года оренбургский военный губернатор В. Перовский сообщал директору Азиатского департамента К. Родофиникину о вмешательстве хивинского хана в дела казахов. Он писал: «...Султаны Джангазы и Каипгали возведены ханом Хивы в звание кайсацких ханов». Также военный губернатор сообщал о поручении хивинского правителя казахским султанам «идти на р. Темир для разбирательства взаимных ссор и... взыскать в то же время с них (имеются в виду казахские рода кете, шекты, шумекей, табын и др. – Авт.) за угоны, происходившие по удалению султана Арунгазыя.... Они (хивинцы – Авт.) распоряжаются в орде как дома, считая всех киргизцев подданными своими, и с небывалой смелостью распространяют влияние свое на роды, которые даже и не подходят никогда к пределам Хивы и кочуют постоянно близ нашей линии» (КРО–2, 1964: 276–277).

В 1836–1838 гг. в Букеевской Орде началось восстание под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. В 1837 году батыр Исатай бежал за Урал, и Каипгали выступил совместно с восставшими. Но во время Акбулакского сражения 12 июля 1838 года Исатай был убит. По сведениям коллежского регистратора, чиновника для употребления по делам в Орде Григорьева, вернувшегося в тот момент из Бухары, Каипгали 3 августа (1838 г.) послал хивинскому хану 4 туркмен с известием, что «русские разбили его шайку и убили Исатая» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 103).

Каипгали поехал к назаровцам, кочующим при устье р. Темир, впадающей в Эмбу. Он просил помощи у хана и через некоторое время вернулся в Хиву. В конце октября – начале ноября 1838 г.

Каипгали выдал свою дочь за хивинского хана (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 107). Он получил повторно звание хана западных казахов и явился собирать с них подати (Терентьев, 1906: 103).

Вопрос о том, как сложилась судьба казахских ханов, находившихся под властью Хивы, можно рассмотреть на примере последнего хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова. В 1824 году было принято «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем», по которому была ликвидирована ханская власть в Младшем жузе. Хан Шергазы (1767–1845) был вызван в Оренбург и назначен первоприсутствующим в ОПК. Недовольный чингизид в сентябре 1825 года выехал на три недели в Степь и оттуда бежал в Хиву (Избасарова, 2018: 129; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1825 год. Д. 107. Л. 4; Материалы..., 1940: 492). Надеясь с помощью хивинского хана Аллакули (1826–1842) восстановить свою власть, в июле 1827 года он выдал за него замуж свою дочь Тиллябику. 8 августа 1827 г. по повелению хивинского хана Шергазы был назначен ханом казахов подразделения шомишти рода табын, находившегося под властью Хивы. Аллакули в июне 1827 г. отправил письма биям подразделения кабак рода шекты, где писал: «Высокотепенного хана Ширгазы-хана с женами, детьми, скотом, кибитками и всем аулом проводите и расположите в табынский род и со всем усердием к услугам его будьте в подпоясании, и никто из приказания его не выходите и не слушайте его воли..., а если поступите против сего повеления, тогда встретитесь моему гневу, с детьми и семейством останетесь под ногами лошадей и грехи ваши останутся на вас самих» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 285. Л. 3-30б.). Письмо такого же содержания было направлено биям подразделения назар рода шекты.

Надежды хана при покровительстве хивинского правителя управлять казахами не сбылись. Тогда он попросил благосклонности Российской империи и в 1830 году вернулся к линии (Избасарова, 2018: 129; Материалы, 1940: 492). Материальное его состояние ухудшилось, подвластные рода отвернулись. В 1837 году скончался его сын-опора Едиге. Шергазы не раз просил назначения ему пенсии. Скончался он в бедном состоянии.

Также и султан Каипгали Ишимов после бегства не раз писал письма российской администрации о своей верности империи, о готовности служить согласно присяге, принятой его дедом и прадедом. Так, например, исправляющий должность Ново-Александровского войскового старшины И.Н. Логинов доставил В.А. Перовскому два письма от 6 сентября 1836 года, присланные ему Каипгали Ишимовым, в котором он «изъявляет готовность содействовать русскому правительству и видеться с господином Логиновым» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 40).

Каипгали со словами: «Не постоянный свет так и останется, а нам показывать надобно взаимное дружество», «по милости Божьей справедливые свои заслуги показать» – высказал намерение служить империи (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 41). Кроме того, он просил прислать лекарства и белой муки. Во втором письме Каипгали уверял, что сделает распоряжение о возврате товара и имущества на 18 тыс. рублей, утраченного в результате ограбления адаевцами каравана. Также обещал обратиться с просьбой к хивинскому хану вернуть увезенных в рабство людей, лодки, хлеб и т.д. Если хан согласится вернуть все награбленное его подданными, султан обещал оказать содействие, в противном случае – сделать все возможное. Каипгали также сообщал, что им отправлены сообщения находящимся под его управлением адаевцам, а также известным и уважаемым людям из этого рода письма, чтобы «они не беспокоили и не начинали ссоры между обоих народов» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 45об.).

Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен сомневался в желании султана Каипгали повиноваться российской власти. По показаниям старшины рода шекты отделения кыргыз Кадыра Нурлыбаева от 29 июня 1838 года, «известный мятежник Каипгали Ишимов разъезжает по Орде и объявляет, что хивинский хан Аллакуль определил его ханом над киргизами. Он имеет при себе около 500 киргизов из родов адаевского и табынского, и сверх того находятся при нем до 10 чел тухменцев и каракалпаков, данных ему ханом хивинским, которых Каипгали разсылает по степи для собрания подати в пользу хана Аллакули, однако в сборе этой подати еще успеха не только нет, но и не предвидется». Батыр рода шомишти табын Асау Барак при многих ордынцах сказал Каипгали: «Мы платим дань русским и потому платить другую хивинскому хану не можем. Ты называешь себя ханом, но у нас есть бумага, которою велено нам поймать тебя и выдать султану правителю. Покажи нам бумагу, удостоверяющую, что ты определен ханом от русского правительства, и тогда приказывай, что хочешь» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3753. Л. 100об.). Власть российской империи к этому периоду укрепились в Степи, и слова батыра Асау Барака являются этому ярким свидетельством.

К 1844 году положение находящегося в Хиве Каипгали ухудшилось. Сын его Бекжан скончался. Каипгали взял в жены другую женщину. Материальный недостаток, голод заставил детей его от первой жены откочевать к близким родственникам. 23-летний сын Кожамжар прикочевал к линии с семейством умершего брата (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5478. Л. 14-15об.).

Если рассмотреть русско-хивинские отношения в начале XIX века, то, говоря словами М.А. Терентьева, «Хива подстрекала подвластных нам киргизов в возмущениях, заманивая их в свое подданство, облагала их податями; собирала зякет (таможенную пошлину) с наших караванов, следовавших по степи. Наконец, хивинцы постановили правилом, чтобы наши караваны, в какие бы места Средней Азии ни отправлялись, непременно следовали бы через Хиву, где им угрожала

пошлина возвышенная уже до крайних размеров. В 1833 году дерзость хивинцев дошла до того, что в Оренбург был прислан хивинский зякетчи (сборщик зякета) для объявления купцам русским и бухарским, что караваны их неминуемо будут ограблены, если не пойдут через Хиву» (Терентьев, 1906: 105).

В период подготовки похода В.А. Перовского в Хиву (1839–1840) был рассмотрен вопрос о будущем положении хана, «составлен проект обязательного акта, коим, по утверждению нового правительства в Хиве, предполагалось прекратить, на будущее время, все несогласия с этим ханством» (Терентьев, 1906: 116).

Хивинского хана решено было заменить надежным казахским султаном. К этому времени отличился своей верной службой империи султан-правитель Западной части Орды Баймухаммед Айчуваков. Изучив его деятельность, российская администрация приняла решение назначить его хивинским ханом.

В мае 1841 года была отправлена экспедиция во главе с представителем Генерального штаба Никифоровым в Хиву. В этот период после смерти в 1825 году Мухамед-Рахима правителем ханства был Аллакули. Прибывший в столицу русский посол 11 августа вечером был принят на аудиенцию. В самом начале разговора хивинский хан поднял вопрос о «разграничении киргиз» (Терентьев, 1906: 183).

Хива объявила о притязаниях на рр. Эмбу, Иргиз, Тургай. В течение долгого времени русский посол не мог убедить хана в том, что казахи, кочующие по северную сторону реки Сырдарья, в песках Барсуках, по р. Эмбе, на берегах Каспийского моря, в урочище Кай-Кунакты, по берегам залива Карасу и на северных частях чинка, являются подданными Российской империи. Хан не принял никакие доводы посла.

11 сентября во время встречи Никифоров представил проект мирного договора, где именем оренбургского военного губернатора (что вызвало подозрение у хана, почему не от имени императора) было объявлено, что всякий подданный, посланный для сбора в вышеназванные регионы, являющиеся в аулы «принадлежащих Российской империи с намерением нарушить спокойствие оных, будет схвачен и предан смерти» (Терентьев, 1906: 185).

Ровно через месяц хан вновь встретился с послом и с возмущением начал встречу с вопроса: «По какому праву последнее объявление сделано ему от имени оренбургского военного губернатора?» На что Никифоров ответил, что оренбургский военный губернатор на то уполномочен и действует мыслями и волею царя. Хан категорически заявил, что ему нельзя уступать реки Сыра, что прежде он ошибался, настаивая на границе по р. Эмбе, Иргизу и Тургаю, и что теперь он считает границу России р. Урал (Терентьев, 1906: 186).

Хан решил доказать справедливость своих требований относительно казахов и пригласил в Хиву семь почетнейших представителей из их числа, чтобы те лично подтвердили Никифорову, что не считают себя российскими подданными. Среди приглашенных были Жоламан Тленшеулы, Джангазы, Рахманкул, Юсуп Сырымов и Каипгали Ишимов. Никифоров посчитал неприличным разговаривать с государственными преступниками, поэтому беседу вел находящейся в составе миссии чиновник ОПК, поручик М.Р. Аитов, который обвинил Каипгали и Джангазы в предательстве и со словами: «Султаны, что предки ваши властвовали в этой Хиве, сидели на престоле того же хана, который вызвал вас ныне на рабское унижение и позорное клятвопреступничество, в пользу незаконных притязаний своих» – заставил задуматься многих (Терентьев, 1906: 188).

Утверждение в звании «хана западных казахов» Младшего жуза Каипгали Ишимов (1830–1850 гг.) получал от Аллакули хана, хана Рахимкули. Но в период правления хивинского хана Мухаммеда-Эмина он не сумел оправдать надежды хана, не смог привлечь казахов на свою сторону и убедить их перекочевать в Хиву.

В середине 50-х годов XIX века Каипгали был лишен ханского титула и имущества, а вслед затем помещен в специальный дом под особый надзор хивинских властей. Умер в Хиве в бедности и там же похоронен (Ерофеева, 2001: 143).

5. Заключение

Хива оставалась последним оплотом, где сохранились старые традиции властной системы, построенной на идеологии чингизизма. Казахские султаны, в том числе Каипгали Ишимов, пытались сохранить свою власть, опираясь на это центрально-азиатское ханство, так как российская правовая система еще не имела такой силы в регионе Сырдарья по сравнению с прилинейными районами. Историческая память населения Степи данного региона сохранила еще традиции дома Чингизидов, и это была последняя надежда потомков великого хана в легитимации своей власти.

Литература

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв.

// Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд Сороса Казахстана, 1997. С. 46-144.

- [Ерофеева, 2001](#) – *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (позднее Средневековье и Новое время). Алматы: ИД «Аркаим», 2001. 152 с.
- [Ерофеева, 2007](#) – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- [Избасарова, 2018](#) – *Избасарова Г.Б.* Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М.: ИП Лысенко А.Д. Press-book, 2018. 484 с.
- [Избасарова, 2019](#) – *Избасарова Г.Б.* Букеевское ханство и процесс аккультурации его населения // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. № 8 (82). Т. 10.
- [ИКРИ](#) – Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Маметья Тевкелева (1731–1733 гг.) // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Алматы: Дайк-пресс, 2005. Т. 3. С. 65-142.
- [История Букеевского ханства, 2002](#) – *История Букеевского ханства*. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.
- [История..., 2000](#) – *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)*. Алматы: Атамұра, 2000. В 5 т. Т. 3. 768 с.
- [КРО – 1, 1961](#) – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.
- [КРО – 2, 1964](#) – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867): Сб. документов и материалов / Сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин и др. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
- [Материалы..., 1940](#) – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) / Под ред. М.П. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.
- [Мұқтар, 2015](#) – *Мұқтар Ә.Қ., Сыдықов Е.Б.* XVII–XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Алматы, 2015. 688 с.
- [Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Высшая школа экономики, 2017. 366 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Султанов, 2001](#) – *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- [Терентьев, 1906](#) – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]
- [Erofeeva, 1997](#) – *Erofeeva, I.V.* (1997). Kazahskie hany i hanskije dinastii v XVIII–seredine XIX vv. [Kazakh khans and khan dynasties in the 18th – mid-19th centuries. Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazahstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Almaty: Fond Sorosa Kazahstana, pp. 46-144. [in Russian]
- [Erofeeva, 2001](#) – *Erofeeva, I.V.* (2001). Simvoly kazahskoj gosudarstvennosti (pozdnnee srednevekov'e i novoe vremja) [Symbols of Kazakh statehood (Late Middle ages and Modern times)]. Almaty: ID «Arkaim», 152 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2007](#) – *Erofeeva, I.V.* (2007). Han Abulhair: polkovodec, pravitel', politik [Khan Abulhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press, 456 p. [in Russian]
- [GA AO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [The state archive of Astrakhan region].
- [GA OO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The state archive of Orenburg region].
- [ИКРИ](#) – Zhurnal bytnosti v Kirgiz-kasackoj orde perevodchika Mametja Tevkeleva (1731–1733 gg.). Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. [Journal of the existence of the translator Mamety Tevkelev (1731-1733) in the Kyrgyz-Kasatsk Horde. History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI-XX centuries]. Almaty: Daik-press, 2005. Vol. 3. Pp. 65-142. [in Russian]
- [Istorija Bukeevskogo hanstva, 2002](#) – *Istorija Bukeevskogo hanstva* (2002). 1801 – 1852 gg.: Sb. dokumentov i materialov [History of the Bukei khanate. 1801–1852: Collection of documents and materials. Almaty: Daik-Press, 2002. 1118 p. [in Russian]
- [Istorija..., 2000](#) – *Istorija Kazahstana (s drevnejshih vremen do nashih dnei)*. [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. Almaty: Atamұra, 2000. V 5 t. T. 3. 768 p. [in Russian]
- [Izbassarova, 2018](#) – *Izbassarova, G.B.* (2018). Kazahskaja step' Orenburgskogo vedomstva v imperskih proektah i praktikah pervoj poloviny XIX veka [The Kazakh steppe of the Orenburg department in the imperial projects and practices of the first half of the 19th century]. М.: IP Lysenko A.D. Press-book, 484 p. [in Russian]
- [Izbassarova, 2019](#) – *Izbassarova, G.B.* (2019). Bukeevskoe hanstvo i process akkul'turacii ee naselenija. [Bukei Khanate and the process of acculturation of its population]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istorija». 8(82). Т. 10. [in Russian]

KRO – 2, 1964 – Kazahsko-russkie otnoshenija v XVIII – XIX vekah (1771–1867): sb. dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1867): collection of articles, documents and materials. Comp. F.N. Kireev, V. Ya. Basin]. Alma-Ata: Nauka, 1964. 575 p. [in Russian]

Materialy..., 1940 – Materialy po istorii Kazahskoj SSR (1785–1828 gg.) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Pod red. M.P. Vyatkina. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]

Muhtar, 2015 – *Muhtar, A.K., Sydykov, E.B.* (2015). XVII–XIX gasyrlardagy Kazak handygy [Kazakh khanate in the XVII-XIX centuries]. Almaty, 688 p. [in Kazakh]

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R.Ju.* (2017). Legitimacija vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvah Evrazii: tjurko-mongol'skij mir XIII – nachala XX v. [Legitimation of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia: the Turkic-Mongol world of the XIII – early XX centuries]. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 366 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Sultanov, 2001 – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnjatye na beloju koshme. Potomki Chingiz hana [Raised on the white felt. Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Daik-Press, 276 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istorija zavoevanija Srednej Azii. [The history of the conquest of Central Asia]. SPb.: Tipo-litografiya V.V. Komarova. [in Russian]

Легитимация власти в Казахской степи в XIX веке. Поиск патрона: Хивинское ханство или Российская империя? (на примере судьбы султана Каипгали Ишимова)

Гульбану Болатовна Избасарова ^{a, *}

^a Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена судьбе казахского султана Каипгали Ишимова, происходившего от старшей ветви султанов дома Абулхаира и верно служившего хану Букеевской Орды Джангиру. Деятельность султана пришлась на имперский период, в один из переломных моментов начала XIX века, когда сакральная власть хана и статус Чингизидов существенно видоизменились. К. Ишимов стоял во главе движения казахов против политики хана и Российской империи. Именно он возглавил откочевку части казахских родов в Зауральскую Орду. В рассматриваемый период казахские ханы стали ставленниками российской администрации, а несогласные с политикой империи искали пристанище в Хиве, надеясь сохранить свое влияние в Степи. В статье изучается роль и значение Хивинского ханства в судьбе казахских Чингизидов.

Ключевые слова: Российская империя, Букеевская Орда, Чингизиды, Каипгали Ишимов, Хивинское ханство, ханская власть, легитимация.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)